

Саудовская Аравия – страна великих пустынь. Сейчас её пересекли авто-страды, железные дороги и трубопроводы. Но ещё недавно взаимодействие с пустыней в первозданном виде было частью жизни, борьбы, менталитета жителей королевства. Мы приводим здесь рассказ о том, как подросток – будущий король Фейсал – воспринимал и любил пустыню. Его брат – нынешний король Сальман – прошёл тот же путь, что и он, вместили пустыню в своё сердце.

... Подросток Фейсал с друзьями бродил по улицам и базарам родного города. В Эр-Рияде тогда жили несколько тысяч человек, к которым добавлялись заезжие бедуины и караванщики. Город был обнесён зубчатой крепостной стеной жёлто-коричневого цвета, которую его отец Абдель Азиз восстановил и укрепил ещё в 1902 году. Город назывался Эр-Рияд, то есть “Сады”, но на самом деле в нём было очень мало садов. Зато были выложенные камнем глубокие колодцы, главным образом в Батхе, которая представляла собой ответвление плодородной Вади Ханифа с её садами и пальмовыми рощами.

Сам Эр-Рияд стоял в открытой пустыне. Вокруг не было ни нависающих горных хребтов, ни обильной растительности.

Вот описание рынка в Эр-Рияде, оставленное англичанином Дж. Филби: “Рынок был полон народа – покупателей и торговцев. Кто-то продавал кадилницу за 17 пиастров – последняя цена. Бедуин стоял у стада овец, люди подходили, рассматривали их и уходили. Рядом сидела пара женщин, продавая содержимое корзины с тряпьем... Повсюду разгуливали праздные зеваки. Мы прошли вдоль стены Большой мечети к северо-западным воротам, где женщины доставали воду из узкогорлых кирпичных колодцев, которых много на каменном плато, на котором стоит город. Здесь же поили скот. Мы с трудом протиснулись сквозь стадо возвращавшихся домой коз, за которыми на ослике следовал мальчик-пастух”.

Дома в Эр-Рияде были, как правило, одноэтажными. Окна в них заменяли треугольные или круглые проёмы для воздуха. Летом, в жару, спали на крышах. Лишь резиденция эмира, его дворец-крепость, была трёхэтажной. Город построили из местного камня и саманного кирпича-сырца желтовато-коричневого цвета. Мечети представляли собой простые строения, с низкими минаретами. Узкие песчаные улочки были завалены мусором и нечистотами. Нечистоты из отхожих мест выводили на стены, и их высушивало солнце и разносил ветер. Внутреннее убранство помещений было без украшений, но на влажной штукатурке ножом вырезали растительные орнаменты, а потолочные балки покрыли геометрическими рисунками – красными, чёрными или голубыми.

Воздух пустыни был бодрящим, за исключением тех летних дней, когда дул южный ветер или налетала песчаная буря. Тогда становилось трудно дышать, пальмы и вся растительность покрывались серой пылью, которая сохранялась до зимних дождей.

Случались ливни, которые вызывали опасные и бурные сели.

В середине зимы северный ветер приносил леденящий холод, температура падала до нуля, а камни и траву ночью покрывала изморозь. Никакого отопления в домах не было.

Это была земля крайностей. Может, поэтому многие люди здесь уповали на Аллаха более истово, чем где-либо ещё.

Вся Аравия, за исключением гор Асира, Йемена и Омана, была пустыней — от Персидского залива до Красного моря. Оседлое население жило поблизости от источников воды и в редких оазисах между Недждом и Хиджазом и в самом Хиджазе. Расстояния были колоссальные. Во времена, когда Аравия не знала ни телеграфа, ни телефона, ни радиосвязи, гонцы на быстророходных верблюдах доставляли послания с побережья до Эр-Рияда за неделю. Огромная территория в начале XX века, как и в середине XVIII века, могла прокормить всего лишь 2–3 млн человек, большинство из которых было кочевниками.

Поездки по пустыне, кочёвки, встречи, беседы у костра под куполом чёрного неба с яркими звёздами, помощь друга в тяжёлую минуту и глоток воды в иссушающую жару — всё это становилось частью восприятия Фейсалом родины.

Аравийские пустыни — это каменные вади и чёрные, словно обугленные плоскогорья. Узкие ущелья и крутые перевалы. Дымящиеся барханы высотой во много десятков метров. Выжженные равнины. Ветер завивает песок в крутящиеся смерчи, и они танцуют вокруг караванов свою жаркую пляску. В дрожащем, раскалённом воздухе возникают призрачные видения пальмовых рощ на берегах речек — не игра ли это джиннов? — и редкие, занесённые песком полусонные оазисы, похожие на миражи.

Аравия — страна великая по размерам и великая своей историей. Зелёные островки оазисов теряются среди выветренных скал, бескрайних песков и безжизненных пространств. А как палит солнце в пустынях, где нет никакой тени! Сквозь задымленное марево всё кажется призрачным и колеблющимся.

В пустыне так трудно сохранить или увидеть жизнь, что радуешься любому её проявлению. Вдруг появляется нежная светло-зелёная трава там, где ничего не было, кроме песка и камней, или прозрачные ветви акации. И вновь — мёртвая пустыня. И вдруг — стайки птиц. Откуда они летят? Куда? Порой из жёсткого кустарника выскочит заяц, а на песке увидишь свежие следы газели. Несколько закопченных камней, оставшихся от путников, которые разжигали костёр и готовили здесь свою пищу. Иногда посередине пустынной долины заметишь колодец, к которому бедуины пригоняют своих верблюдов и коз.

Но кто они, эти бедуины? Дружественные племена, верные эмиру Неджда, или мятежники?

Бедуин представлял собой редкий образец приспособления человека к почти невыносимым условиям враждебной природы. Он появлялся на свет в жалком жилище, под испепеляющим солнцем или в пронизывающий до костей зимний холод. Неопрятная повитуха омывала его тельце в моче верблюдицы, благословляя на священное братство пустыни, и присыпала новорождённого сухим верблюжьим навозом. Если ребёнок выживал, а выживал, наверное, один из трёх, то всё его дальнейшее существование было вызовом нелёгкой судьбе. Ещё в детстве он усваивал уроки беспощадной борьбы за существование, закалял волю, познавал ничтожество и величие человека в пустыне. Но, несмотря на постоянные невзгоды, самый бедный из бедуинов, который и в самом деле побеждал нужду и суровую природу своим непреклонным духом, почитал себя лучшим из людей и никого не признавал своим хозяином. Для него внешний мир с его соперничающими и сменяющимися друг друга империями имел мало значения. Самым страшным преступлением для бедуина была измена товарищу.

Его преданность своему роду и племени казалась бесконечной, с врагами он был свиреп и жесток. Чужака, если он — не гость, его имущество, деньги, скот он считал своей законной добычей. Все его эмоции лежали почти на поверхности. Его характер был построен на неукротимом стремлении к свободе.

Лёгкий выпад против его чести и достоинства мог вызвать у бедуина ярость. Он уважал силу. Любой признак слабости он презирал. Однако для него была священна просьба об убежище, и отказать в ней — значило поступиться честью.

Бедуин высоко ценил личную привязанность, не забывая прикинуть, какую выгоду из знакомства он извлечёт для себя. Однако ему нельзя было приказывать. Аристократ по своей натуре, бедуин был демократичен в социальных контактах, самоуверен и самодоволен. Он был жаден до денег, но и бесконечно великодушен: был готов поделиться с гостем последним глотком воды, последней горстью риса. Когда он оказывал гостеприимство незнакомцу, которого он никогда не видел и никогда не увидит, он отдавал ему то, в чём сам крайне нуждался.

“Нет сомнений, что жизнь бедуина полна противоречий, — писал Мухаммед Асад, путешественник по Аравии. — Они отличаются как готовностью к насилию, так и образцовыми примерами доброты и щедрости, как склонностью к предательству, так и высшими проявлениями жертвенности. Они веками не знали того, что называют “прогрессом”. Тем не менее, это была развитая, зрелая культура, со своей жизненной позицией. Эта культура абсолютно отличалась от всех других культур. Всё это надо подчёркивать, чтобы понять, “как” и “почему” развивалась аравийская духовная и социальная история”.

... А как холодны в Аравии ночи зимой, когда колючий ветер как будто кусается и люди прижимаются друг к другу, чтобы согреться! Днём, спасаясь от солнца, они заворачивают платок вокруг лица, а вокруг кружатся хищные птицы в надежде, что кто-то не выдержит долгого пути. И как доказательство этого — изредка попадаются скелеты животных, полузасыпанные песком.

На стоянках бедуины разбивают палатки, каркас которых покрыт тканью из чёрной козьей шерсти.

В те времена отнюдь не все кочевники подчинялись эмиру Неджда. По ночам лучше было не разводить костров в незнакомом месте. Путники вынуждены были проводить ночи в полусидячем положении, держа винтовку между колен. Но если случалась мирная встреча с караванами или кланами из дружественных племён, люди собирались вокруг костра. Они беседовали о простых вещах: о жизни и смерти, о голоде и пище, о гордости, любви и ненависти, о похоти и её удовлетворении, о войнах, о пальмах, о далёких странах, о торговле. Гостей угощали полными чашами покрытого густой пеной верблюжьего молока, жирного, густого, особенно в начале весны, когда пустыни после дождей на короткое время покрываются зеленью. А иногда соревновались в импровизации стихов, что бедуины называют “мрад”.

Как и тысячу лет назад, у костров раздавались монотонные мелодии, рождённые во время перекочёвок. Под низкими крупными звёздами бездонного неба человек ощущал бесконечность и величие океана пустыни.

Но не дай бог путнику остаться в пустыне одному, в разгар песчаной бури, да ещё без бурдюка с водой. Солнце, как будто выкованное из красного металла, исчезало за тучами, и на стоянке вас наполовину засыпал песок.

Фейсал на всю жизнь полюбил пустыню, жестокою и прекрасною. И даже став королём, хотя бы раз в день он будет стараться вырваться с верными родственниками и друзьями в пустыню, чтобы глотнуть её острого воздуха, помолиться, поразмышлять о высоком и важном, набраться бодрости.

Иногда в пустыне устраивали верблюжьи бега, в которых отличались беговые верблюды “омания”. Это было великолепное зрелище: большое животное, вытянув шею, буквально летело над пустыней. Недаром их называли “пьющими ветер”.

У арабов пустыни есть пословица: “Лучшая женщина подобна игривой верблюдице”. И все они сходятся на том, что “верблюд — величайший из подарков Аллаха человеку”. “Ты дорог для меня, как зеница ока, о мой верблюд! — поют бедуины. — Ты драгоценен для меня, как здоровье, о мой верблюд! Как сладок для моих ушей звон твоих колокольчиков, о мой верблюд! И сладка для твоих ушей моя вечерняя песня!”

Верблюд служил кочевнику живым и мёртвым. Из его шерсти ткали плащи, накидки, ковры. Делали тенты и верёвки. Молоко и мясо шли в пищу. Из шкуры делали кожи, а кости сжигали. Бедуины употребляли не только свежую верблюжатину, но и мясо, вяленое на солнце. Впрочем, чтобы разжевать его, нужно было обладать такими же крепкими зубами, как у кочевников.

Мозги верблюда ели лишь бедуинки, потому что, по местным поверьям, это блюдо делало мужчину слабохарактерным.

Верблюды могли пройти огромные расстояния без глотка воды или же пить солоноватую протухшую воду, утоляя жажду и голод хозяина прекрасным молоком.

В Аравии в донефтяную эпоху богатство человека определялось количеством верблюдов в его стаде. Лошадь была и остаётся роскошью.

Когда Аллах решил создать лошадь, гласит арабская легенда, он призвал южный ветер и сказал ему: “Я сотворю из тебя новое существо”. Он вдохнул в ветер жизнь, и появилась благородная лошадь. Однако она пожаловалась своему создателю: её шея была слишком короткой, на её спине не было горба, на котором можно было бы укрепить седло, а ее маленькие копыта тонули в песке. Тогда Аллах создал верблюда. Лошадь задрожала и чуть не упала в обморок, ужаснувшись вида того, кем хотела стать.

Скот, кожи, шерсть, масло бедуины продавали в оазисах, чтобы купить рис, который привозили из Индии, и финики. Для финиковой пальмы нужен жаркий сухой климат и обилие воды. Поэтому о ней говорят: “У неё ноги в раю, а ветви в аду”. Финиковая роща с тяжёлыми гроздьями жёлтых и красных плодов – незабываемое зрелище. Но для жителей оазисов, называющих себя “ахль ан-нахль” (“люди пальмы”), она, прежде всего, была признаком достатка и благополучия. Некоторые знатные бедуинские семьи, а иногда и целые племена могли владеть финиковыми рощами в оазисах и сдавать их в аренду феллахам. Финиковая пальма – королева деревьев – вместе с одnogорбым верблюдом-дромадэром в донефтяную эпоху стала символом Аравии. Недаром её графическое изображение перекочевало на герб Саудовской Аравии.

.....

Академику Алексею Михайловичу Васильеву исполняется 80 лет. Редакция с удовольствием поздравляет нашего друга и автора со славным юбилеем.

Редакция